

В.Л. Ключня¹, А.В. Черновалов²

¹ д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории
Белорусского государственного университета

² д-р экон. наук, проф. каф. экономики и менеджмента
Академии труда и социальных отношений (Москва)

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье рассматривается история исследований проблем взаимодействия экономики и нравственности, актуальность исследования нравственности как междисциплинарной теории позитивного развития страны и мира, определение сущности нравственности. Затрагиваются также идеи построения счастья на Земле. Отмечается возросшая противоречивость трудов в области взаимодействия нравственности и экономики, нравственного ориентирования каждой личности, а также отсутствие единства по этой проблематике в трудах известных ученых прошлого.

Введение

Во времена экономических кризисов на поверхности человеческих отношений все более отчетливо проступает неравенство в распределении ресурсов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности людей. Богатые становятся еще богаче, средний класс переходит в категорию бедных, а последние зачастую голодают. Все это с точки зрения просвещенного человека-гуманиста безнравственно. Как же переломить ситуацию, что необходимо изменить для создания нравственных хозяйственных отношений? Вопросы формирования и развития подобных основ хозяйствования всегда были в поле зрения экономистов и философов. *Гуманистическая сущность* экономической деятельности, *созидательный смысл хозяйственных отношений, честность и доверие* в ходе обменных операций, реализация требования *справедливости* при решении спорных вопросов и многие другие нравственные аспекты социально-экономической практики отражены в работах как древних мыслителей, так и представителей новейшего этапа экономической истории [1]. Однако существующие сегодня в рамках основного течения экономические доктрины придерживаются упрощенной и однобокой трактовки человеческого поведения в рамках *модели экономического человека*, который предстает в ипостаси работа-трудоголика, устраивающего перманентные экономические, торговые, валютные, маркетинговые и прочие войны, проявляя зачастую присущую его «звериной составляющей» дикость и кровожадность, но прикрываясь при этом этикой манерного дворянина. Поэтому в существующих исследованиях нравственные основы хозяйственного развития чаще предстают или констатируются как явления желательные, но не обязательные, что объективно предопределялось уровнем экономического развития общества и субъективно дополнялось утилитарным экономическим сознанием человека, стремящегося не к самореализации, а к элементарному жизнеобеспечению и богатству. Нравственные основы хозяйствования здесь выступают лишь как определенный элемент экономических взаимодействий, не являясь конституирующим качеством социально-экономических отношений. *Материально-вещественные аспекты* человеческой экономической деятельности существенно преобладают в настоящее время над *разумно-сознательными факторами* бытия, и нравственные основы производства благ обнаруживают себя латентно, фрагментарно, несистемно.

Проблема взаимодействия экономики и нравственности, или противопоставления нравственной и безнравственной экономик, является в настоящее время предметом научных дискуссий разных наук, в том числе экономики, социологии, политологии и философии. Кроме того тема нравственности не аполитична, так как является еще и способом прикрытия безнравственности как фальсификации действительности, идеологического воздействия, развития скрытых форм возможного подчинения личностей чужой воле путем давления, насилия через наставление, чуждое истинной нравственности. Так, Ф.В. Ницше считает, что нравственности «предшествует *принуждение*, и даже она сама еще некоторое время есть принуждение, которому подчиняются во избежание страданий. Позднее она становится обычаем, еще позднее – свободным повиновением и, наконец, почти инстинктом; тогда она, как все издавна привычное и естественное, связана с удовольствием – и называется добродетелью» [18]. Если И. Кант говорит о высшей свободе, которую ученые интерпретируют как *свободу творчества, самореализации и финансовую свободу* (не нужду трудолюбивых, талантливых людей) [10], то Ф.В. Ницше *нравственность связывает с принуждением, т.е. со страхом*, который предшествует нравственности. При этом Ф.В. Ницше активно цитируется и позитивно исследуется в современных научных философских и социологических работах [7; 11].

В этой связи авторы статьи поставили перед собою цель показать, что в науке не существует единой экономической теории на все случаи жизни, так как экономические доктрины обслуживают различные интересы различных групп и слоев общества. Поэтому авторы подчеркивают, что в экономических исследованиях важно изначально реализовывать принцип целеполагания, т.е. определять, в чем состоит методологическая направленность экономического анализа и его предназначение, например, в увеличении уже существующего богатства нации и числа живущих среди ее членов миллиардеров или в росте численности населения, обладающего необходимыми для жизни ресурсами, увеличении продолжительности жизни людей, испытывающих в результате этого определенный уровень счастья в рамках экономики счастья. *Экономика счастья* создает психическое благополучие нации, формирует совершенный человеческий организм, обеспечивает его жизнедеятельность и продлевает жизнь людей [4–6]. Авторами выдвигается гипотеза о том, что нравственные основы в экономике должны сформировать экономику счастья, методологической основой которой является индивидуализм счастливого человека, а измерительными показателями считаются индекс счастья, уровень безусловного дохода, размер материнского капитала, индекс эластичности [34] в управлении и прочие.

В последнее время действия международных финансовых институтов на глобальном уровне, таких как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк, навязывающих государствам свое видение необходимых для счастливой жизни в отдельных странах экономических реформ (например, в Украине и Беларуси) взамен за выделение суверенных кредитных ресурсов приводят лишь к обнищанию широких масс населения, повышению тарифов на электроэнергию и газ, стоимости коммунальных услуг и снижению заработной платы у бюджетных работников. Действия правительств на макроуровне, желающих получить кредитные вливания от МВФ, связывают с попытками внедрения новых институтов (в рамках либеральной модели экономики – налогообложения, рынка ценных бумаг, банкротства, предпринимательства и конкуренции и т.д.), без оценки их эластичности к состоянию хозяйственной и социальной среды (методики таких расчетов авторы неоднократно публиковали в научной и периодической печати), что вновь приводит к идеологическим и экономическим потерям как в политической, так и в хозяйственной сфере.

С другой стороны, постоянный рост богатства в странах с развитой рыночной экономикой создал условия для процветания домашних хозяйств и личностей, формирования благополучия и рационального потребления без излишеств и консументских перегибов, а отдельные страны, например, Швейцария, рассматривают вопрос о внедрении «безусловного дохода» в размере 2 500 Евро для каждого гражданина страны [32]. Напротив, в восточноевропейских странах (Польша, Беларусь, Россия, Украина) на уровне фирм и предпринимательства сформировался этический стиль поведения в хозяйственной сфере, подобный «карточному игроку», который взамен производственно-технологической и торговой деятельности предпочитает играть на рынках FOREX, глобальных рынках нефти, золота, рынке и акций и облигаций, получая спекулятивные доходы, которые в условиях существующей рыночной и правовой экономической инфраструктуры считаются законно приобретаемыми. При этом такой игрок ведет вызывающе праздный образ жизни, придерживаясь неких абстрактных правил этикета, что тиражируется в средствах массовой информации и подается в качестве морально-нравственного образца хозяйствования. В этой связи возникает множество попутных вопросов о нравственных характеристиках подобного режима функционирования экономических агентов как на глобальном, так и на национальном и микроэкономическом уровнях. Решение поставленных задач требует углубления в содержательную часть понятия *нравственности*, что, несомненно, повлечет за собой выяснение вопроса о сущности человека, о его интересах, в том числе экономических, об экономической модели человека в хозяйственной системе, его жизненной позиции, о том, чем является человек с точки зрения различных религиозных конфессий и в каких правовых и культурных традициях он существует.

В истории философской и экономической мысли на эти вопросы давались разные ответы, постыдно опускаемые современной либеральной экономической традицией (*экономический мейнстрим*). Той традицией, которая сформирована еще Адамом Смитом и широко растиражирована в современных университетских учебниках и псевдонаучных догматических работах неолибералов-экономистов, основанных на моделях и предпосылках, происходящих из древней истории человечества, а потому превратившихся сегодня в мифы и догматы. Рыночный тип экономики и ее либеральная идеология рассматриваются до настоящего времени как один из непоколебимых столпов хозяйственной практики; при этом считается, что такая экономика изначально нравственна: невидимая рука рынка автоматически выравнивает спрос и предложение, создает всеобщее равновесие и благополучие и позволяет всем участникам рассматриваемого процесса жить зажиточно и процветать в богатстве. Так ли это на самом деле, попытаемся разобраться, начиная с оценки либеральной модели экономического человека. Так кто этот «йети»: робот-трудоголик или карточный игрок?

Модели счастливого и экономического человека

Рассмотрение данного вопроса начнем с критики *модели экономического человека*, который функционирует в окружающем нас мире с целью *максимизации полезности*. Последняя, очевидно, имеет материальную сущность, так как современная экономическая литература связывает полезность с финансовыми категориями. Что это означает? Будучи потребителем, экономический человек максимизирует полезность, измеряя финансовые величины доходной и расходной части своего бюджета, а также старается приобретать товары и услуги по наименьшей цене с наилучшими показателями качества. Будучи предпринимателем, экономический человек максимизирует полезность, увеличивая размер получаемой прибыли. Учитывая тот факт, что финансы представляют собой оборот денежного товара в виде дохода, то, будучи *товаром*, деньги характеризуют материальную и только *материальную сущность экономического чело-*

века. Следовательно, духовной сущности экономический человек не имеет; более того, такая модель человека характеризуется тем, что в живой природе его не существует. Чешский автор Томаш Седлячек в работе «Добро и зло в экономике» [45] справедливо сравнил эту модель со снежным человеком «Йети» (о нем многие говорят, например, экономисты, социологи, иногда философы, но никто его не видел). Следовательно, такая модель для построения экономики счастья не подходит; последняя требует новой модели человека, т.е. *счастливого человека*, который наряду с материальной сущностью имеет и нравственно-духовную сущность, реализующуюся в активной интеллектуальной и прочей деятельности.

Подтверждением этому тезису служат и философские изыскания различных авторов. Один из создателей философской антропологии Г. Плеснер рассматривал человека в двух измерениях: *биологическом и духовном*. Быть человеком – это, по Г. Плеснеру, находиться в процессе становления и формирования человека, который есть не что иное, как борьба за человеческое бытие, поскольку ему постоянно угрожает опасность скатиться до нечеловеческого бытия [25]. Бытие человеком, субъектом истории, определяет сознание свободы и креативности, т.е. тех ценностей, на которые указывал в XIX в. К. Маркс в своих «Экономико-философских рукописях» (1844 г.), показывая два отличных друг от друга лица человека: это не только лицо господствующего над самим собой свободного духа, но и (а может быть, и прежде всего) лицо существа, которое приводит в действие процессы, обращающиеся против него самого, процессы, над которыми он не в силах осуществлять какой либо контроль. При этом К. Маркс в шестом тезисе о Фейербахе указывает на социальный контекст человеческой жизни: «Фейербах сводит сущности религии к сущности человека. Но сущность человека не есть абстракция, заключенная в отдельном индивидууме. В своей действительности она является совокупностью общественных отношений» [16]. Через сто с лишним лет, сравнивая взгляды К. Маркса и Иоанна Павла II, можно заметить удивительные совпадения по вопросу аксеологического образа человека. Это совпадение особенно рельефно выступает при оценке капитализма, вытекающей из принятых обоими мыслителями фундаментальных гуманистических ценностей.

Так, Иоанн-Павел II, исходя из положений христианского теизма, утверждал, что человеку, наделенному разумом и свободной волей, присуще достоинство, которое нельзя понять без обращения к Трансценденции. Ведь человек является не только существом телесным, но и духовным. *Достоинство человеческой личности* Иоанн Павел II рассматривает как принцип, который придает смысл осуществляемой личностью роли в общественной жизни. Этот принцип дает Папе возможность перейти от антропологических рассуждений к оценкам современного капиталистического общества как социальной действительности, а также функционирующих в нем неолиберальных концепций. Иоанн Павел II исходил из положений своей философской антропологии, утверждая, что творимые этой действительностью проявления зла являются результатом преклонения перед определенной философией человека, а именно такой, которая видит в человеке самотворца (в экономической неоклассике понятие самотворца реализуется в принцип методологического индивидуализма), создающего самого себя и дающего самому себе смысл. Создающего не только себя, но и окружающую его действительность. С точки зрения такой антропологии человек является не тем, «кто читает об истине. Но тем, кто ее творит и таким образом уподобляется Творцу... Истина не открывается, но творится субъектом». Это ведет к «процессу субъективизации *совести* и всей *морали* [35; 43; 44].

Особым видом отхода от истины о человеке как о личности является реализация *модели экономического человека* в либеральном понимании капитализма, существующей вне культурных, политических и духовных отношений наряду с оформившейся

в историческом развитии хозяйственной традицией и, следовательно, вне специфической институциональной среды. Экономический человек, по мысли Адама Смита, реализует жизненные цели основанные на эгоистических устремлениях, которые могут идти в разрез с действующими институтами и нормами нравственности (прежде чем сформулировать модель экономического человека и принцип невидимой руки рынка, А. Смит глубоко исследовал этическую сторону поведения людей и пришел в выводу, что эгоизм как морально-этическая норма является движущей силой капитализма и рыночной экономики).

В этом отношении данная модель особенно близка к интерпретации его как «игрока» и «робота-трудоголика». Удивительность такого положения состоит в том, что эти типажи не редки в окружающей действительности, и либеральная рыночная идеология тиражирует подобные идеалы, видимо, базируясь при этом на некоторых религиозно-культурных традициях. Наиболее близкой к либеральной философской и хозяйственной традиции является так называемая *протестантская трудовая этика – теологическая философская позиция, ставшая основой самой либеральной идеи*¹. В своей протестантской проповеди Б. Франклин говорил: «Помни, что время – это деньги. Помни, что кредит – это деньги. Деньги по своей природе плодоносны и способны порождать новые деньги. Тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Прилежность и умеренность даст тебе положение в обществе. Честность увеличивает кредит» [30, с. 14]. Понятно, что такая общепринятая позиция ориентирует человека к предопределенным действиям и четко согласуется с либеральным хозяйственным законодательством. В таких европейских странах, где представлена протестанско-католическая хозяйственная традиция, ориентированная на зримый, материальный мир, рационализм, действенный, но не созерцательный подход к жизни, реализацию человеческих возможностей через демократические институты, формируется разновидность институциональной среды, отличной от, например, православных стран, жители которых, как правило, ориентированы на духовные, а не материальные возможности самореализации или чисто умственные способности человека в процессе его самосовершенствования.

Русская (или славянская) позиция по проблеме прав и свобод и достоинства человека, параметров его экзистенции, сформулирована в докладе Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла. По его мнению, существуют серьезные противоречия между европейской концепцией прав человека и учением православной церкви и других традиционных российских религиозных общин. Он утверждает, что в соответствии с западноевропейской либеральной традицией уважать следует лишь юридические законы, а вот нравственные императивы – не обязательно [34, с. 2]. Таким образом, невозможно игнорировать наличие фундаментального противоречия между религиозным и секулярным подходами к теме человеческого достоинства. Тема достоинства личности в рамках существования институциональной славянской среды стала актуальной, по мнению митрополита Кирилла, потому, что православный мир постепенно включается в качестве интегральной части в единое европейское пространство. Однако,

¹ Главное отличие протестантов от католиков в отношении к деньгам и собственности. Католик в своей жизни должен собирать дары небесные, то есть духовные. Протестантизм признает накопление богатства богоугодным делом, если оно заработано честным путем. Такой подход снимал преграды перед частной хозяйственной инициативой и способствовал развитию предпринимательства, при одном условии: бизнес должен быть честным. Иначе говоря, жить следует ради труда, который обогащает. Эта этика стала философским и идеологическим фундаментом капитализма с его либеральной идеологией и в последствии перенята всеми развитыми странами мира. Например, в Англии зародилась разновидность кальвинизма – англиканство, в Германии – лютеранство; в США первыми переселенцами были протестанты. Аналогично в азиатских странах: в Японии, Корее, на Тайване, в Гонконге, Китае – развито конфуцианство, которое считает длительный кропотливый труд основой жизни и достатка.

как отмечает митрополит Кирилл, «наше искреннее стремление непредвзято проанализировать и осмыслить комплекс этих идей зачастую безоговорочно отвергается. Более того, любая самостоятельная критическая позиция в отношении секулярного либерализма, ныне выступающего в роли идеологического обеспечения интеграционных процессов в новой Европе, неизбежно принимается в штыки. В то же время сегодня, к сожалению, можно наблюдать появление симптомов, свидетельствующих о стремлении некоторых либеральных кругов перейти к открытому употреблению силы в борьбе с традиционализмом, в том числе с религиозными обычаями и ценностями» [34, с. 2]. И уже совершенно неверным является научный подход, который использует такую ситуацию, когда огромное разнообразие Божия мира пытаются объять и покрыть при помощи нескольких идей, которые были сформулированы в западноевропейском философском и политико-экономическом контексте, без реального участия мусульман, иудеев, буддистов, индуистов, православных христиан, а также отчасти католиков. Ведь абсолютное большинство населения планеты, являющееся носителем древних самобытных культур, не принимали участия в выработке этой системы ценностей, которую ныне утверждают в мире в качестве универсального стандарта. С другой стороны, очевидно, что прогресс глобализации рано или поздно должен привести к согласию по вопросу об общих фундаментальных ценностях, поскольку иным образом устроить жизнь в едином цивилизационном пространстве невозможно. Однако требует обсуждения вопрос о том, насколько секулярные либеральные ценности в том виде, в котором они существуют ныне, могут претендовать на статус универсальных, и в том, могут ли эти ценности без соответствующей коррекции лечь в основу формирования новых отношений между людьми, странами и народами в эпоху глобализации?

Все это означает, что в определении *экономической модели человека* нельзя пренебрегать общественным аспектом его экзистенции и при формулировании неких проектов по реформированию хозяйственной действительности в виде принятия законодательных актов отношение к человеку только как к части биологического мира, потребляющего экономические блага, не приемлемо. *Человек, формируя сферу социальных, культурных, политических и духовных отношений наряду с оформившейся в историческом развитии хозяйственной традицией, дает себе и окружающим его людям специфическую институциональную среду*², не учитывая характеристики которой нельзя добиться серьезных успехов в реализации процессов экономической трансформации и формировании экономики счастья. Среда формирует нравственные идеалы. Такая формулировка подтверждается в исследовании М. Воловиковой, которая полагает, что «в жизни народа, страны идеалам принадлежит консолидирующая, объединяющая роль. Принятый народом *нравственный идеал*, т.е. образец нравственного совершенства, является системообразующей ценностью в сознании нации». В общественной жизни «нравственные идеалы выступают как регулятор социальной активности и социального поведения, а практически утрата идеалов как духовных опор личности и народа ведет не только к исчезновению множества ценностных ориентиров, но и к стихийной, обусловленной примитивными потребностями и влечениями жизни» [3].

В настоящей работе авторы, разделяя понимание категории «нравственности», сформулированной А. Купрейченко, придерживаются следующей трактовки этого понятия: нравственность – это целостная система воззрений на должную социальную

² Под институциональной средой мы понимаем совокупность действующих в государстве институтов и культурно-национальных традиций, предполагающих как минимум два обстоятельства: 1) институты и традиции связаны между собой, 2) их состав принципиально неоднороден, т.е. институциональная среда есть совокупность правил и традиций, определяющих условия человеческого поведения на основе принципа целеустремленного корпоративизма и имеющих конкретную национальную специфику.

жизнь, выражающая то или иное *понимание сущности человека и его бытия*. Она составляет *ценностный базис общества* и имеет всеобщее значение, регулируя жизнедеятельность человека во всех сферах жизни с целью достижения единства или согласованности общественных, групповых и личных интересов. Поэтому нравственные идеалы и факторы конкретного общества нельзя подчинять планам международных финансовых институтов: идеалы первичны, а экономические интересы вторичны. Нравственными или безнравственными считаются те или иные виды отношений между людьми в экономической сфере: например, партнерство, конкуренция, конфликты, долговые обязательства и т.д. На этой основе субъекты экономической деятельности определяют приемлемые или неприемлемые ее виды, а также стратегии поведения в различных условиях и ситуациях [12].

Следовательно, модель счастливого человека основывается на методологическом индивидуализме, однако она должна реализовываться в новой экономической доктрине счастья как функция максимально эластичного приближения к нравственному идеалу нации с определенным набором ценностей, являющихся социальным базисом данного общества и его социальным капиталом.

Таким образом, в нашем понимании, *нравственность в экономике* – это целевые установки любой деятельности человека и общества в целом, проявляющиеся в делении нравственных качеств на позитивные и негативные, что проявляется в намерениях, словах, реальных делах и предпринимательских проектах. Но как же объяснить существование нравственной и безнравственной экономической деятельности; неужели существуют различные экономики в нашем мире: жертвенная экономика, игровая экономика, производственно-техническая экономика, экономика знания, экономика духовности и нравственности и прочее? Да, в соответствии с выведенной выше моделью человека *доктрина экономики счастья* предполагает существование всех видов экономик, в которых должен действовать счастливый человек, придерживающийся нравственных идеалов нации, что реализует конвенциональный методологический подход при построении доктрины и позволяет системно анализировать соотношение нравственности и хозяйственной деятельности.

Нравственные ценности и экономические интересы

В новой экономической парадигме «экономики счастья» важно дать четкое определение понятию «нравственности». Хотя термин «нравственная экономика» и введен в научный оборот в конце 1990-х гг., он до сих пор не вносит ясности в процесс формирования структуры и содержательной теоретической части такой экономики, а также не предоставляет необходимых измерительных параметров такой экономики в целях реализации количественных методов ее анализа. Как верно отмечает Е. Колычева, взаимосвязь экономики и нравственности основывается на двойственности человеческой природы, проявляющейся в его духовности и материальности, что отмечалось нами выше. Нравственность, которая употребляется как синоним термина «мораль», – это духовное проявление человека, его духовная сфера, а материализм – экономическая. Но вопрос о роли нравственных ориентиров в экономическом поведении человека продолжает оставаться открытым. По мнению Е. Колычевой, можно выделить *четыре модели взаимосвязи нравственных ценностей и экономических интересов* [13].

Идеи древних мыслителей (Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки), а также К. Маркса, Ш. Монтескье, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, А. Сена и других, а еще официальная позиция конфуцианства, брахманизма, буддизма и Русской Православной Церкви, как полагает Е. Колычева, формируют наиболее рас-

пространенную *первую модель взаимодействия экономики и нравственности*, основанную на признании приоритета нравственности и духовности над экономикой³.

Вторая модель взаимосвязи нравственности и экономики содержится во взглядах А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, даосизма, ее проповедуют гуманисты Ренессанса и др. Она рассматривает, по мнению Е. Колычевой, нравственность и экономику как две равнозначные сферы, которые одинаково важны для индивида и общества и существуют в единстве [13].

Третья модель, представленная учениями мыслителей Древнего Египта, Вавилонии, сторонников моизма, ряда философов Нового времени (Т. Гоббс, К.А. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро, А. Смит, И. Бентам, Дж.-Ст. Милль, В. Парето, Г. Беккер, М. Фридман, А. Рэнд), формирует представления общества о приоритете экономики, рассматривая поведение людей как подчинение их экономическим интересам. Нравственность в этой системе признается ценной настолько, насколько она полезна или вредна. На личностном уровне подход выражается в принципе индивидуализма, который проявляется и в концепции «экономического человека» (А. Смит), и объективизме (А. Рэнд). В соответствии с этим принципом индивид выстраивает свое экономическое поведение, основываясь на личных интересах, в расчете на собственную выгоду, при этом опираясь на разум [13].

Четвертая модель взаимосвязи экономики и нравственности разработана в трудах киников, Эпиктета, Н. Макиавелли, Б. Мандевиля и Ф. Ницше и представляет экономику и нравственность враждующими, необъединимыми даже мысленно сферами существования человека [6; 13].

Позиция Е. Колычевой, как нам представляется, заслуживает внимания, так как она доказывает с помощью приведенных выше обобщений наличие научной проблематики, касающейся трактовки взаимодействия экономики и нравственности. Следует также согласиться с выводом Е. Колычевой о том, что вопрос о роли нравственных ориентиров в экономическом поведении человека продолжает оставаться открытым.

Актуальность же данной проблематики задает экономистам необходимое сейчас направление проведения научных исследований, позволяющих противостоять агрессивной либеральной экономической идеологии, обеспечивать информационную безопасность идеологической пропаганды, разрабатывать для студентов и школьников учебные материалы, реально описывающие экономические процессы и явления, осуществляемые в рамках белорусской экономической модели развития.

Показатели экономики счастья

Показатель Валового Внутреннего Продукта (ВВП), которым у нас привыкли оперировать и экономисты, и представители других наук, не годится ни для сравнений стран с разной структурой экономики, ни для оценки уровня благосостояния нации. Финансово-расчетная сущность этого показателя пригодна в основном для целей дополнительного изготовления долларовых купюр в мировом масштабе Федеральной Резервной Системой США, так как тонну нефти и велосипед никак нельзя сопоставлять, даже если по цене они и одинаковы. Реальный экономический рост легко измеряется по объемам производства всего пяти продуктов: молока, мяса (если его производят, значит, в стране есть скот и есть корма), мебели (значит, люди строятся и заводят семьи), тканей (есть спрос на материал со стороны швейной отрасли) и металлорежущих станков. Такой подход значительно понятнее для населения и точнее описывает уровень счастья, однако в научных исследованиях не пригоден. Неоспоримый вклад в воз-

³ К первой модели отнесена и теория, разработанная Е.Е. Румянцевой с использованием Священного Писания в книге «Нравственные законы экономики» (М. : ИНФРА-М, 2009. – 94 с.).

рождение интереса к счастью как цели государственной политики внес Рут Винховен⁴, голландский социолог, признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья. По его мнению, уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния, является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [41]. Он показал, что счастье может быть использовано как надежное измерение для оценки прогресса в обществе [41]. Русский социолог П.А. Сорокин указывал как на недопустимость игнорирования счастья, так и на преувеличение его значимости: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они не были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [28, с. 511]. Профессор Лондонской школы экономики Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений [15]. По его мнению, счастье граждан – единственный показатель эффективности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для преумножения счастья людей [15]. Он замечает при этом, что традиционный показатель результативности экономической политики – ВВП – растет и тогда, когда строится новая тюрьма, когда разводятся люди, когда случается автомобильная авария или совершается самоубийство, т.е. рост ВВП достигается путем «преумножения несчастий».

Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что чем больше благосостояние, тем выше счастье (сравниваем ли мы различные страны или население внутри одной страны, данный факт будет прослеживаться). Однако, как оказалось, рост удовлетворенности жизнью не всегда прямо связан с ростом благосостояния. Подтверждением этому может служить известный *парадокс Истерлина*, названный в честь экономиста Ричарда Истерлина, который обнаружил, что *рост доходов на душу населения лишь до определенного уровня приводит к росту счастья, но не более*. Здесь действует принцип «гедонистического колеса»: «Притязания растут вместе с ростом дохода, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большое значение не абсолютный, а относительный уровень дохода» [38]. Р. Лэйард считает, что такой порог составляет 20 000 долл. ВВП на душу населения в год. В странах, прошедших этот уровень, удовлетворенность жизнью больше не растет, а порой даже снижается [15]. Интерес к этому парадоксу не ослабевает до сих пор. В 2003 г. Р. Винховен и М. Хэджерти опубликовали исследование, опровергающее парадокс Истерлина [40]. В 2008 г. Б. Стивенсон и Дж. Вольфатерс установили, что увеличение абсолютного дохода четко связано с повышением самооценки счастья. И межстрановые исследования, и опросы внутри стран показывают, что *между счастьем и логарифмом дохода наблюдается практически линейная зависимость – одна и та же и для богатых, и для бедных*. Э. Динер также провел широкомасштабное исследование, результатом которого стал вывод, что рост доходов вызывает рост счастья, если при этом потребности растут медленнее дохода [37]. Однако в 2010 г. Истерлин опубликовал новую работу, затрагивающую 37 стран, подтверждающую его предыдущие выкладки [39]. Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизни проявляется, например, в том, что, хотя жители западных стран сейчас в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изме-

⁴Р. Винховен является директором-основателем Всемирной базы данных счастья, а также основателем и главным редактором «Журнала исследования счастья» (Journal of Happiness Studies). Он считается «крестным отцом исследования счастья» и «ведущим специалистом по всему миру уровней счастья от страны к стране» [42].

нился, а у 37% богатых американцев ощущение счастья ниже среднего уровня⁵ [36]. Таким образом, вопрос о взаимосвязи счастья и благосостояния остается открытым.

Справедливо утверждается, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел» [26, с. 136], поэтому, как отмечает С.В. Степашин, «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом» [26, с. 137]. Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [26]. В настоящее время основное отличие так называемой вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что ее главной задачей становится уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении [18].

19 июля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Бутана [14] и при соавторстве более 50 государств, в том числе Франции, Великобритании и Японии, приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию», в которой рекомендовано использовать счастье как показатель развития каждой страны [20]. При этом в Резолюции содержится призыв к странам мира осуществлять деятельность по разработке собственных методов измерения счастья, представлять их в ООН с целью обмена опытом и формирования универсальной системы оценки уровня счастья.

Еще одна попытка найти альтернативу ВВП была предпринята в 2008 г. во Франции. Президент страны Николя Саркози создал специальную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили Нобелевские лауреаты: индиец Амартия Сен и американец Джозеф Стиглиц, – известные своим критическим отношением к общепринятым методам управления экономикой. Комиссия предложила использовать для расчетов такие индикаторы качества жизни, как устойчивость развития, безопасность, политические права людей, состояние экологии и т.д. В 2009 г. Стиглиц и Сен опубликовали статью, в которой утверждали, что преувеличение значения динамики ВВП стало одной из причин мирового финансового кризиса. Правительства и экономисты упустили из виду другие, не менее важные факторы, такие как социальная цена безработицы или неконтролируемое кредитование, которое увеличивало сегодняшние темпы роста экономики в ущерб дню завтрашнему. По итогам работы комиссии президент Саркози предложил ввести для оценки развития страны такие параметры, как 1) счастье и 2) доступность услуг здравоохранения, и призвал другие страны взять на вооружение опыт Франции.

Всевозможные индексы счастья рассчитываются различными международными организациями и научными центрами, которые используют самые разнообразные методики. Самой известной и наиболее широко признанной альтернативой ВВП стал *Индекс человеческого развития (ИЧР)*. Он включает в себя в качестве составной части ВВП на душу населения, а также такие индикаторы, как доступ к образованию, средняя продолжительность жизни и ряд других факторов. ИЧР ежегодно рассчитывается аналитиками Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. Для определения этого индекса наряду с аналитическими разработками используются статистические данные нацио-

⁵ М. Аргайл подчеркивает, что ученые до сих пор «не смогли понять, почему огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья. Вероятно, данный факт обусловлен ростом притязаний: если раньше люди мечтали о собственном велосипеде, то сейчас им уже нужно два автомобиля» [1].

нальных институтов и международных организаций. Доклады ПРООН по результатам исследований публикуются с 1990 г. [19]. При всех своих достоинствах ИЧР имеет и ряд существенных недостатков: например, он опирается на национальные средние показатели, не отражающие асимметричность в распределении благ, не принимаются во внимание экологические факторы и *вопросы духовно-нравственного развития человека*. Поэтому, несмотря на комплексный подход с учетом многочисленных показателей, используемых в расчете ИЧР, предпринимаются попытки совершенствования данной методики и поиска оптимального и универсального метода измерения счастья.

Очередная такая попытка была предпринята в 2006 г. Британский исследовательский центр *New Economic Foundation* совместно с некоторыми международными организациями и группой независимых экспертов разработал Всемирный индекс счастья (*The Happy Planet Index*). Это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В основе индекса лежат предположения об априорном желании человека прожить долгую жизнь, избавленную от страданий и лишений, нацеленности государственной деятельности на максимизацию благосостояния собственных граждан, включающую в себя разумное использование и охрану окружающей среды. Из них и вытекают три основных компонента, используемых при вычислении индекса: *субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и состояние окружающей среды, измеренное через размеры биологически продуктивных территорий в расчете на одного человека*. Иными словами, основная цель составления данного индекса заключается в том, чтобы оценить эффективность политики государства в отношении природных ресурсов страны и благополучия собственного населения [37]. Главная цель, которую преследовали создатели Всемирного индекса счастья, заключалась в том, чтобы определить эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для обеспечения своим гражданам счастливой жизни. В 2012 г., например, самой счастливой страной было признано небольшое государство в Центральной Америке Коста-Рика, где Всемирный индекс счастья составил 64 балла. Интересно, что 9 из 10 стран первой десятки рейтинга – представители Латинской Америки. Крупные экономически развитые страны оказались в списке гораздо ниже прежде всего из-за негативного влияния на окружающую среду. Список замыкает Ботсвана с индексом 22 балла. Коста-Рика обошла Великобританию по Всемирному индексу счастья, потому что ее население живет счастливо, пользуясь лишь малой долей от потребляемых нами ресурсов [21; 27]. Сами авторы исследования признают, что индекс счастья не лишен определенных недостатков. Страны, которые демонстрируют хорошие результаты в рейтинге, могут испытывать определенные проблемы. В частности, индекс не учитывает нарушения прав человека. Более того, люди, права которых нарушаются в наибольшей степени, составляют меньшинство, и это почти не отражается на усредненных показателях [37].

Свой «индекс лучшей жизни» (*Better Life Index*) с 2011 г. начала рассчитывать и известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Cooperation and Development*). Рейтинг стран составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллапа по 11-ти параметрам: *доход, жилье, работа, окружающая среда, образование, баланс работы и отдыха, безопасность, удовлетворенность жизнью, вовлеченность в гражданскую активность, здоровье, сообщество*. В базовой модели каждому из субиндексов присвоен одинаковый вес [36]. Изначально индекс охватывал только страны ОЭСР, однако с 2012 г. в него были включены Россия и Бразилия. По последним данным, верхние строчки рейтинга занимают Норвегия, США, Дания, Канада, Швейцария, Нидерланды, Новая Зеландия и Люксембург, а на первом месте – Австралия. В этой стране в апреле 2012 г. уровень

безработицы составлял около 5% (в Европе – 10,9%, в США – 8,1%). Кроме того, экономика Австралии сейчас активно развивается во многом за счёт роста спроса на железную руду и уголь. Нет у австралийцев особых проблем и со здоровьем: 85% респондентов заявили, что чувствуют себя отлично. У жителей страны достаточно и свободного времени, чтобы уделять его дому и семье (примерно 3 часа в сутки, а это сравнительно высокий показатель [29]). Между тем на Западе людям сегодня важна прежде всего удовлетворенность жизнью, на втором месте для них стоит образование, на третьем – здоровье [5].

Отдельно можно отметить многочисленные рейтинги счастливых стран, составленные по результатам опросов населения на основе самых разнообразных методик. Наиболее известный среди них – «индекс качества жизни», или «индекс удовлетворенности жизнью» (*Well-Being Index*), методологию которого разработал психолог и социолог лауреат Нобелевской премии Даниэль Канеман. Источником данных для него является *Gallup World Poll*. В расчет включается ряд индексов: *личного здоровья, оптимизма, базовых нужд общества, гражданской вовлеченности, доверия к национальным институтам, развития молодежи, коррупции и несколько других*. В основе исследования лежат национальные опросы с сохранением базового блока вопросов единым для всех стран. Люди отвечали на ряд вопросов, касающихся проблем проживания, питания, правопорядка, личной экономической ситуации, здоровья, доверия к национальным институтам и т.д. По результатам опроса (в каждой стране были опрошены порядка 1 тысячи человек старше 15 лет) определились три группы: «страдающие» (показывающие низкий уровень удовлетворенности), «борющиеся» (демонстрирующие средний уровень удовлетворенности) и «преуспевающие» (высоко удовлетворенные жизнью). По итогам 2011 г. рейтинг возглавили датчане: именно в Дании («преуспевающих») оказалось 74%. Процентное соотношение данных групп и ложится в основу ранжирования стран [33].

Нравственная оценка белорусской экономической модели развития

Экономика, по определению Президента страны А.Г. Лукашенко, является критерием эффективности политики и права белорусской государственной модели социально-экономического устойчивого инновационного развития [34]. Являясь создателем этой модели, А.Г. Лукашенко сформулировал и ее идеологическую установку: «Экономика есть концентрированное выражение эффективности политики и права». В политическую и правовую основу *белорусской модели развития* положен фундаментальный Закон общества – Конституция Республики Беларусь. Развивая концепцию белорусской экономической модели, П. Никитенко отмечает: «Человек является главной производительной силой и носителем производственных отношений в любой социально-ориентированной экономической системе, её модели развития экономики» [34]. Поэму стратегия развития экономики любой страны, региона, предприятия, организации, индивидуального предпринимателя должна быть направлена на созидательную деятельность, мультиплицирующую динамику роста целевых экономических прогнозных показателей, т.е. воспроизводства стоимости продукции, товаров, работ, услуг, сохранение природы, человека, его здоровья и трудового долголетия. В этом, по мнению П. Никитенко сосредоточена сущность системных построений белорусской экономической модели.

Осмысление результатов функционирования белорусской экономики на протяжении 1991–1995 гг. привело к осознанию необходимости приведения в действие долговременных механизмов ее реформирования, направленных на оживление деловой активности, стимулирование научно-технического прогресса, расширение социальной базы преобразований. Следствием этого явились разработка и принятие Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь – концептуального

документа, определяющего стратегические направления преобразований социально-экономической жизни страны, ее общесистемные условия формирования. Последние создают принципиальные рамки мировоззренческого, идеологического, политического характера для всех аспектов существования и устойчивого развития человека, семьи, общества и государства. В основных направлениях в качестве перспективной принята модель социально ориентированной рыночной экономики, которая строится на принципах конституционных гарантий личных прав и свобод граждан, свободы предпринимательства, выбора профессии и места работы, равенства всех форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимосвязи благосостояния работника и результатов его труда, социальной защиты нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения, социального партнерства. Белорусская модель получила название *социально ориентированной многоукладной рыночной экономики*. Составные части этой модели: лидер государства, форма госуправления и структура органов власти, законодательство, контроль за национальными ресурсами и госсобственностью, инвестиции, фундаментальная роль преемственности социально-экономических процессов. Формы и методы государственного управления в Беларуси оказались совершенно адекватны настоящему периоду социально-экономического развития страны и менталитету подавляющей части населения и его нравственным идеалам. Кроме того белорусская модель социально-экономического развития успешна: к настоящему времени она обрела черты некоторой завершенности и имеет право на анализ факторов ее успешности и перспектив развития в направлении формирования модели экономики счастья. В этих целях авторы предлагают открыть научную дискуссию по проблемам нравственности и хозяйственной деятельности, разработать свой национальный индекс счастья и провести цикл научно-практических конференций.

Заключение

Итак, в идеале не государственный строй подстраивает под себя нравственность, а законы нравственности открываются, воспринимаются и реализуются в зависимости от уровня знаний и уровня нравственности правящей элиты общества. Но, безусловно, в каждой нации присутствуют какие-то главные нравственные качества, ее отличительные особенности в международном сообществе, связанные с религией, историей, культурой, климатом и формой государственного правления как одним из факторов. В то же время представляется значимым для сегодняшнего этапа развития белорусской экономической науки использование научных концептов экономики счастья. С другой стороны, следует отметить наличие значимых дискуссионных зон в этой проблематике, которые имеют тенденцию к расширению разными, не связанными между собой исследованиями в разных науках вместо междисциплинарной направленности на конструктивное разрешение общей противоречивости рассматриваемой концепции и понимания ценности в единстве (не единообразия) в научных исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб. : Питер, 2003.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4.
3. Воловикова, М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / М. И. Воловикова. – М., 2005. – 384 с.
4. Грозовский, Б. Экономика счастья / Б. Грозовский // Новое время. – 2012. – 16 апр.
5. Долгин, А. Экономика счастья / А. Долгин // Независимая газета. – 2009. – 28 мая.

6. Журавлев, А. Л. Счастье как научная категория / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вестн. РАН. – 2014. – Т. 84, № 8. – С. 715–723.
7. Ирицян, Г. Э. Формирование культурологической теории: Ф. Ницше и пост-модернизм : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Г. Э. Ирицян. – Ростов н/Д, 2011.
8. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2015 году [Электронный ресурс].
9. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2012 году / [Электронный ресурс].
10. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс] / И. Кант. – Режим доступа: http://annaganzha.narod.ru/kant_omn_fr.pdf.
11. Кампос, А. Д. Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / А. Д. Кампос. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/45.pdf> 09.00.03. – Саратов : Сарат. гос. ун-т имени Н.Г. Чернышевского, 2010.
12. Купрейченко, А. Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А. Б. Купрейченко. – М., 2010.
13. Колычева, Е. Ю. Взаимосвязь экономики и нравственности в истории философской мысли : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Е. Ю. Колычева. – Курск, 2012. – 189 с.
14. Конституция Королевства Бутан, Ст. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions>.
15. Лэйард, Р. Счастье: уроки новой науки / Р. Лэйард. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
16. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 25 т. – М. : Политиздат, 1986. – Т. 3, кн. 3 : Процесс капиталистического производства взятый в целом : Ч. 2.
17. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Госполитиздат, 1955.
18. Ницше, Ф. В. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Отдел второй: К истории моральных чувств» [Электронный ресурс] / Ф. В. Ницше. – Режим доступа: <http://www.nicshe.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2&part=7>.
19. Официальный сайт Центра гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings>.
20. Официальный сайт Информационного центра ООН в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unic.ru>.
21. Официальный сайт Института Гэллага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/home.aspx>.
22. Официальный сайт Gross national happiness commission. Royal Government of Bhutan [Электронный ресурс].
23. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М. : Весь мир, 2011.
24. Попова, С. М. Измерения прогресса / С. М. Попова, С. М. Шахрай, А. А. Яник. – М. : Наука, 2010.
25. Плеснер, Г. Власть и сущность человека. Эссе о философской антропологии и истории мировоззрения / Г. Плеснер. – Варшава, 1994. – 252 с.
26. Степашин, С. В. Государственный аудит и экономика будущего / С. В. Степашин. – М. : Наука, 2008.
27. Сотов, А. Кто в мире самый счастливый? / А. Сотов // Российская газета. – 2012. – 14 июня.
28. Сорокин, П. А. Социологический прогресс и принцип счастья / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

29. Синицына, Е. Индексы счастья: как измерить неизмеримое / Е. Синицына // Сайт лаборатории социальных инноваций CLOUDWATCHER. – Режим доступа: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/1/view/90>.
30. Сухарев, В. Европейцы и американцы глазами психолога / В. Сухарев, М. Сухарев. – Минск : Беларусь, 2000. – 256 с.
31. Синеокая, Ю. В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Ю. В. Синеокая. – М., 2009. – 426 с.
32. Стремление к счастью является одной из основополагающих целей человечества // Официальный сайт ООН. <http://www.un.org/ru/sg/messages/2013/happiness-day.shtml>; «Эффект счастья». Официальный сайт ВОЗ, 2011. <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/4/11-020411/ru>.
33. Чепурных, М. Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) / М. Н. Чепурных // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. – С. 67–69.
34. Черновалов, А. В. Институциональные основы преодоления экономической несостоятельности фирм в условиях экономической трансформации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.031 / А. В. Черновалов. – М., 2006. – 426 с.
35. Ян Павел II. Труд есть знак единства и солидарности. Выступление на 68 сессии Международной организации труда // L Osservatore Romano – 1982. – № 7–8; Jan Pavel II. Śłowiek – miara sprawiedliwości społecznej // L Osservatore Romano. – 1982. – № 3.
36. Diener, E. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / Ed. Diener, E. Suh // Social Indicators Research. – V. 40. – № 1, 2.
37. Diener, Ed. Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 104 (2). – Feb. 2013. – P. 267–276.
38. Easterlin, R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / R. A. Easterlin. – 1974.
39. Easterlin, R. A. The happiness-income paradox revisited [Электронный ресурс] / R. A. Easterlin. – Режим доступа: <http://www.pnas.org/content/107/52/22463>.
40. Hagerty, M. R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness / M. R. Hagerty, R. Veenhoven // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 64. – P. 1–27.
41. Veenhoven, R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots / R. Veenhoven // Subjective well-being: An interdisciplinary perspective / F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz [eds.]. – Oxford : Pergamon Press, 1991. – P. 14.
42. Zuckerman, P. Society Without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment / P. Zuckerman. – NYU Press. – 2008. – P. 7.
43. Niemiec, H. Prawda o człowieku w encyklice Jana Pawła II «Veritatis splendor» / H. Niemiec // Częstochowskie Studia Teologiczne. – 1993/1994. – № XXI–XXII.
44. Valadier, P. Europa i jej bogowie. Krytyczna analiza współczesności // Przegląd Powszechny. – 1996. – № 4.
45. Sedláčka, T. Ekonomie dobra a zla / T. Sedláčka. – Nakladatelství 65. pole, 2009. – 272 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.02.2016

Klunia V.L., Chernovalov A.V. Moral Foundations of Economics and the Development of Belarusian Economic Model

In the article the history of the researches of the problems of economy and moral interaction, the relevance of the moral research as the interdisciplinary theory of the positive development of the country and the world, the definition of the essence of the moral are considered. In addition, the ideas of happiness creation on the Earth are touched. The increased discrepancy of the works in the field of the moral and economy interaction, the moral orientation of the each personality, and the absence of the unity on this perspective in the works of the famous scientists of the past is noted.